

1993 № 3

Шалеевич Ф. И.

Публикуемые здесь воспоминания о Федоре Ивановиче Шалеевиче принадлежат перу балерины, поэтессы, скульптора Лидии Яковлевны Нелидовой-Фивейской. Как то бывало не раз, автор так и не дождался до выхода в свет своих мемуаров, хотя книга была подготовлена к изданию лет 15 назад. Одобренная многими рецензиями, она и по сей день не нашла своего издателя.

Место действия эпизода, о котором пойдет речь, — Чикаго, 20-е годы. С труппой Русской оперы (дирижер Михаил Михайлович Фивейский) должен выступить Шалеевич — в «Борисе Годунове».

К вечеру я отправилась в театр, предполагая, что Фивейский прошел от Шалеевича прямо на репетицию. В театре все участвующие в спектакле были уже на местах и с волнением, а многие и со страхом ожидали прихода Шалеевича. Но время шло, а ни он, ни дирижер не появлялись. Волнение возрастало, и все поглядывали на часы.

— Где же дирижер? Уже пора начинать! — тревожились музыканты, зависшие от американских юнионных правил, ограничивающих время репетиций. — Мы не успеем довести репетицию до конца! Артисты и хористы шептались с испуганными лицами, строя всевозможные догадки.

Но вот наконец-то из распахнувшейся двери ворвалась полоса света, и через зрительный зал быстрыми, решительными шагами прошел к пульту Фивейский. Отдав несколько коротких распоряжений в оркестр и на сцену, он постучал палочкой по пюпитру и, взмахнув ею, начал репетицию. Как только оркестр заиграл, дверь в зрительный зал опять приоткрылась и показалась высокая фигура Шалеевича. Осторожно и бесшумно он приблизился к оркестру. Фивейский, не видя стоящего позади него Шалеевича, продолжал дирижировать, чуть не задевая его дирижерской палочкой.

— Смилуйся, смилуйся! — звенел хор со сцены. — Боярин наш, батюшка!

— Хорошо идет! Bravo, maestro! — сказал Шалеевич.

Стих хор... Началась дивная печальная музыка ариозо Щелкалова... Вдруг Фивейский останавливает оркестр и делает какое-то замечание певцу и что-то говорит Шалеевичу. Подойдя ближе, я услышала ответ Шалеевича:

— Я понимаю, maestro, почему Вы остановили оркестр. Певец не чувствует стиля музыки. Возьмите-ка его после репетиции и подтяните хорошенько! А теперь продолжайте, maestro!

Шалеевич принимал живое участие в репетиции, чем затягивал ее. Обеспокоенный этим, лидер оркестра обратился к Фивейскому с требованием прервать репетицию, на что Фивейский спокойно ответил ему:

— Обратитесь с Вашим требованием к Шалеевичу! — и указал ему рукой на Федора Ивановича, возвышавшегося на сцене и грозно смотревшего на лидера. Тот моментально исполнително склонился под насмешливыми взглядами музыкантов.

Во время антракта, беседуя с Фивейским, Шалеевич сказал:

— Я не согласен с Вашим темпом калик перехожи. Вы дирижируете симфонически. Для симфонии Ваши темпы прекрасны, и я Вам искренно аплодирую. Но для сценического воплощения этого хора я бы взял другой темп.

— О, очень интересно! Какой же темп взяли бы Вы?

— Рыхлый, — ответил Шалеевич.

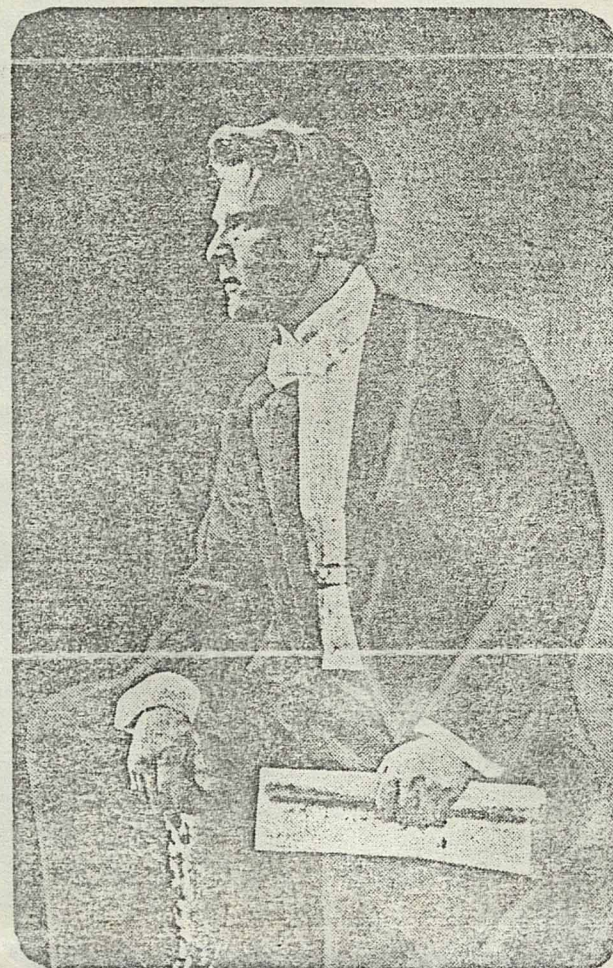
— Рыхлый? — удивленно переспросил Фивейский. — О таком я еще не слыхал. Что же это за темп?

На лице Шалеевича появилась та чарующая улыбка, которая так привлекала к нему всех и делала его лицо задорно-молодым.

— Да ведь знаете ли, maestro, что за типы были эти калики перехожие? Рядом с настоящими религиозными странниками там были и пьяницы, и бродяги, а также и наемные агитаторы, которые, подделываясь под религиозное настроение странников, тоже подтягивали, ничтоже сумняшеся, их священные псалмы, стихи и песни «Со Донской и со Владимирской», почесываясь, прихрамывая, сплевывая, зевая, в носу ковыряя...

Лидия Нелидова-Фивейская

Я НЕ ПОВЕРЮ ЕМУ...

И Федор Иванович так живо изобразил в лицах весь разношерстный сброд калик перехожи, что рассмешил дирижера.

— Нет, Федор Иванович! — ответил Фивейский. — Может быть, Ваш рыхлый темп и хорош для сценического воплощения хора, но лучше уж давайте будем придерживаться четкого ритма. Не обижайтесь. Я знаю, что Вы изучали «Бориса Годунова» с помощью такого знатока исторических деталей, как Василий Осипович Ключевский, но...

— Но, конечно, он не музыкант! Как он мне изображал Шуйского! Лучшего Шуйского я не видел! Это был великодушный учитель.

Потом Михаил Михайлович рассказывал мне, почему он опоздал на эту репетицию. Когда он приехал к Шалеевичу, тот повел его к роялю, раскрыл свой клавиш и, усевшись рядом с ним на рояльную скамью, начал отмечать карандашом места, где бы он хотел сделать паузу, замедление или ускорение, а потом изъясил желание ознакомиться с темпами, нюансами и общим подходом к опере «Борис Годунов» своего будущего дирижера. Но вскоре после того как Фивейский стал играть на рояле, напевая и рассказывая, как он чувствует и ведет эту оперу, Шалеевич обнял его и повел в столовую.

— Я вижу, maestro, что все будет хорошо! Нам не о чем спорить. Пойдемте обедать!

Юрок, стоя за спиной Шалеевича, делал умоляющие знаки Фивейскому, красноречиво показывая на часы, но Шалеевич не отпуская гостя, подливая в его бокал вино, и смешил его до слез остроумными шутками и анекдотами.

— Федор Иванович! Maestro! — взмолился наконец Юрок. — Ведь оркестр ждет вас! Ведь это стоит больших денег!

— Ну, едем, едем! — сказал Шалеевич вставая.

— Советую Вам, maestro, не брать Ша-

жера. Выйдя от Шалеевича, Юрок вздохнул с облегчением.

— Вся надежда на Вас, maestro! — сказал он.

И действительно, Фивейский сделал это так, что и Шалеевич, и Рахманинов, потом бывавший на спектаклях, были уверены, что оркестровка оригинальная.

Оставшись один, Федор Иванович не выдержал и помчался вслед за Фивейским в театр.

Когда окончилась репетиция, Шалеевич попросил всех артистов остаться в театре и до трех часов ночи с увлечением занимался с ними, показывая мизансцены, поправляя и объясняя все тонкости игры и жеста. Когда раньше какие-либо замечания им делал Михаил Михайлович, артисты обиженно поджимали губы и гордо заявляли:

— Maestro, мы на сцене дольше Вас, наши партии сделаны, проработаны и продуманы нами. Так мы пели всю жизнь.

— Что ж, — пожимал плечами maestro, — значит, вы всю жизнь пели неправильно!

Но Шалеевичу они покорились безропотно.

— Господа, не пересаливайте! — оставил он исполнителей сцены в корчме. — Помните, что главное в искусстве — это чувство художественной меры.

Артисты прислушивались к каждому его замечанию.

— На каком языке Вы поете, господин Варлаам? — обратился он к басу. — На чешском? Русский язык певучий, а Вы совсем не произносите гласных!

— Встать! — грозно приказал он Ксении в сцене в терему. — Разве Вы не слышали о «Домострое»? Царские дети должны почтительно вставать при появлении отца.

— У Дмитрия не может быть таких манер, — говорил он тенору в сцене у фонтана. — Он верил в свое царское происхождение. Ведь его признала своим сыном инокиня Марфа — постриженная в монастырь последняя жена Ивана Грозного, Мария Нагая.

— Федор Иванович, а кто была жена Бориса? — спросила его Валентинова, певшая Марину Мнишек. — Она была жива в то время, когда происходили все эти события?

Шалеевич был доволен ее исполнением Марины и охотно отвечал на все ее вопросы.

Жена Бориса Годунова была дочерью Малюты Скуратова. Вскоре после смерти Бориса ее убили вместе с 16-летним сыном Федором.

Шалеевич хорошо знал русскую историю и умел как-то особенно красочно и просто рассказать о ней. Слушавшие его мысленно обращались к той смутной эпохе, картины которой так живо и увлекательно развертывал перед ними Федор Иванович. Увлеченная его интересными рассказами, я пересела поближе к роялю, следя за каждым его движением и жадно ловя каждое его слово. Многогранная талантливость артиста ослепляла меня. «Нет, — думала я, — он не похож на простых смертных. На всех его движениях, речах, фигуре — печать чего-то высшего, сверхчеловеческого... Вот они какие, знаменитости!» — мысленно восклицала я.

В конце репетиции Шалеевич неожиданно обратился ко мне:

— А что если сейчас появится живой Годунов и скажет: «Настоящий царь Борис — я, а не Шалеевич!»

— Я не поверю ему...

Шалеевичские торжества в Москве, посвященные 120-летию со дня рождения великого русского певца, были омрачены кончиной Татьяны Федоровны Шалеевич. Несмотря на более чем преклонный возраст, она все же приехала в Москву, была на праздничном вечере в Большом театре, на сцене которого блистал когда-то ее отец. Рядом с ним, на Новодевичьем кладбище ее и похоронили. Вечная память!